

Мария и Боранимова

СТИХИ И ПОЭМЫ

Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том

Мариам Ибрагимова

СТИХИ И ПОЭМЫ

ТД "Белый город"

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84(Рос-Лак)7

Ибрагимова М. И.

Стихи и поэмы / М. И. Ибрагимова — ТД "Белый город",
— (Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том)

ISBN 978-5-906726-97-1

Поэзия – своеобразный ключ Мариам к пристрастиям, взглядам и поступкам человека, волей судеб оказавшегося на водоразделе взаимоотношений русских и горцев, когда больно за каждую сторону. Не случайно она пишет:…Кавказ я люблю как Отчизну, А Россию – как русскую мать. В формате pdf сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84(Рос-Лак)7

ISBN 978-5-906726-97-1

© Ибрагимова М. И.
© ТД "Белый город"

Содержание

Слово о поэтессе	6
Путь, предначертанный свыше	6
Тепло душевных сил	11
Праведное слово	12
Родина моя	14
Не рвусь я в страны сказочных чудес...	15
Дагестан	17
Россия	19
Михаилу Лермонтову	22
Кровь земли	24
Горы Лакские	26
Мама	28
Сыну	30
Наш дом	32
Есть женщины...	34
Град Петра	37
«В горах Андалала...»	39
Друзьям	41
Кавказ	42
Мирный блеск твоих огней	43
Верю	44
Песня ашуга	50
Старинный клинок	52
Кисет	55
Папаха	57
Напутствие	59
У могилы Хаджи-Мурата	61
Крепость	63
Берёзка	66
Смерть орла	68
Полночь в горах	72
Лирика	74
«Не страдаю бездумно...»	74
Расстались мы	77
«О, Лермонтов, Всерьёз или шутя...»	79
Не гляди виновато в глаза...	81
Хорошо, что есть на белом свете...	83
Птичка	85
«Стряхнув на тяжёлую грань хрусталя...»	87
Погадай	89
Свет костра	91
Годы, годы стаяй журавлей...	93
В степи	95
«От сердца твоего стезя куда-то увела...»	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Мариам Ибрагимова

СТИХИ И ПОЭМЫ

© М. И. Ибрагимова, наследники, 2017

© ТД «Белый город», 2017

*Отдаюсь душой только творчеству
И прекрасное дарю каждому.*

Мариам Ибрагимова

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой выражает особую благодарность и заслуженное признание Александру Иваненко и Николаю Бабину, чей творческий профессионализм и незаурядный талант художника во многом помогли создать эту уникальную книгу.

Слово о поэтессе

Путь, предначертанный свыше

Анатолий Парпара, лауреат Государственной премии России, профессор

Начало девяностых... Уютный Железноводск... Тихое очарование зрелой осени... Только что закончился прошедший с огромным успехом Международный лермонтовский фестиваль поэзии. Воздать должное русскому гению приехали знаменитые поэты из Азербайджана, Сирии, Китая, Франции, Испании, Белоруссии, Македонии... Россию представляли выдающиеся поэты Расул Гамзатов, Владимир Соколов, Давид Кугультинов.

Мы сидим с Расулом Гамзатовым в двухместном номере санатория «Дубовая роща», беседуем. Обаятельная и умная супруга его Патимат угощает ароматным чаем. Гамзатов рассказывает о том, что закончил работу над книгой, которая включила в себя тысячу четверостиший, и просит меня участвовать в переводе стихотворений на русский язык.

Разговор наш плавно перетекает от поэзии к истории многострадального Кавказа, к необычной судьбе великого горца Шамиля. И тут я вспоминаю о книге «Имам Шамиль», недавно подаренной мне писательницей Надеждой Голосовской, редактором этого тома, вышедшего в престижном тогда издательстве «Советский писатель».

Говорю о том, что, если бы у нас была умная национальная политика, обязательно был бы использован исторический опыт Кавказской войны, опыт единения и восхождения к миру горцев Кавказа и русских, исполняющих свой священный долг перед родиной, ценивших свободу, честь и достоинство дороже жизни.

В этом романе автору удалось показать героев Кавказской войны так, что не возникает чувства вражды и разделения. Наоборот, обе стороны вызывают чувство уважения и восхищения. Эту книгу можно использовать во благо единства народов России. Так завершил я свою мысль. И услышал от Расула тёплые слова об авторе книги:

– Анатолий, ты был знаком с Мариам Ибрагимовой, автором романа? Сильная была женщина и характером, и талантом своим, и любовью к людям. В ней текла мужественная кровь горцев и благородная кровь русских дворян. Жила в Кисловодске. Очень талантливая поэтесса.

К сожалению, побеседовать с Мариам Ибрагимовной мне не удалось, хотя на литературных праздниках, по-свящённых поэзии Михаила Лермонтова, на заседаниях литобъединения, где она бывала, я слушал её стихи. Особенно меня поразило одно – «Песни ашуга». Оно поведало о судьбе «сынов удалого Кавказа». Ритмический строй стихотворения (четырёхкратный амфибрахий) точно совпадает с ритмом скачущих коней и передает гармонию движения и спокойную мудрость выдержанной речи. Запомнилась концовка:

Кто знал гордой славы достойную цену —
Питал отвращенье к трусливой измене.
Хвала нашим предкам, чья совесть была,
Как снежная шапка Кавказа, бела.

С тех пор, если сердцу в груди станет тесно,
И я напеваю слова этой песни.

Слово ложится к слову, как литое. Строки выбиты твёрдой рукой, как чеканка по меди. Рукой былинной богатырши-поляницы Настасьи Никулишны. И убедительнее всего подтверждают похвалу знаменитого аварского поэта таланту Мариам Ибрагимовой.

И ещё одно стихотворение восхитило меня тогда чувством поразительного достоинства:

О, Лермонтов,
Всерьёз или шутя
Писал ты, как знаток,
Не ведая...
Что девушка
В семнадцать лет —
дитя.
А в двадцать пять?
Черёмуха отцветшая!

Ужель, поручик,
Не заметил ты
Чутьем повесы,
Мудрым взглядом гения,

Что женщины
Похожи на цветы —
И внешностью,
И сроками цветения.

Вне сомнения, Мариам любила великого поэта, которому ничто человеческое не было чуждо, но как деликатно и уверенно она ответила «повесе» и «гению», защищая кровное и противоположное ему. Это была блистательная переключка, разговор из века в век двух совершенных людей, двух родившихся поэтами и бывших ими на земле.

Есть великая разница между пишущим стихи и поэтом. Сочиняющий стихи иногда может удачно отобразить какое-либо общественное явление, совпасть на время с ним, как это бывало не раз в творчестве популярных стихотворцев, которые огромным усилием своего воображения могут занять временно место выразителя тех или иных общественных сил.

Но не надо забывать, что истинный поэт – это пророк, а пророками не становятся, ими рождаются. И время восприятия их пророчеств не всегда совпадает со временем их жизни.

Рождённые поэтами имеют иное сознание, они не подвержены соблазнам временной жизни. И выполняют своё предназначение, несмотря на обстоятельства. Такова земная жизнь Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Рубцова... и Мариам Ибрагимовой.

Её многомерная душа вбирает в себя «...сердцу дорогие // И отца могилу, и родной аул», и «град Петра», у стен которого течёт «кровь голубая царственной Невы», и старую крепость – «обитель давней славы и печали», и «...бой курантов у Кремлёвских стен», и розу «родом из Ирана», и «ветры приволжских степей», где воевал бывалый русский солдат, и его врага – немца, простого сельского парня, который «умереть был, конечно, не рад».

Её память глубока и основательна, особенно память о войне, в которой гибли, защищая своё огромное отечество, «Осетии барсы, // Орлы Дагестана, // Джигиты приволжских татар // И с львиной хваткой // Бойцы Еревана, // Могучие нарты Балкар. // Бесстрашные витязи // В тигровых шкурах...».

Её отзывчивое и всё так же памятливое сердце откликается на чужое горе, как «материнское сердце» её героини во время войны, увидев процессию пленных немцев «с поникшими головами», пожалело их, подарив «краюху бесценного хлеба».

И, как отклик на безграничное мужество солдат, на милостивое народное отношение к поверженным, душа поэта «потеряла покой» и постоянно возвращалась беспокойными думами в те горькие, невыносимо трудные годы войны, ограничившие своими испытаниями характер будущего учёного-медика и писателя, остро думающего и умеющего отстаивать свои убеждения.

Именно поэтому, обращаясь с молитвой к Всевышнему, Мариам Ибрагимова, сообразуясь с требованиями правды и чести, просит у Него не благ земных, а сохранения рассудка «с теплом душевных сил»:

В труде посильном дай долготерпенье
И в очаге не убавляй огня.
А если смерть пошлешь, то без мучений,
Да чтоб не в тягость любящим меня.

Последнее желание более всего говорит о чувстве внутреннего достоинства и освещает нравственный характер поэта. Мариам довольствуется малым. А, как говорит русская народная поговорка, «кто малым не доволен, тот большего не достоин».

У народов Северного Кавказа бытует такая поговорка: «У каждого человека есть своя звезда достоинства».

И русское слово «достоинство» – очень важное в словаре понятие, характеризующее человека как мужественного, взвешенного, мудрого. Слово это происходит от «стоять», все производные от него: устоять, выстоять, настоять, отстоять – также говорят о силе, уверенности, терпении и уме.

Достойный – заслуживающий, сообразный с требованиями правды и чести, уважаемый, ценимый. Эти качества, присущие Мариам Ибрагимовой, свойственны и народам, живущим на равнине, и живущим в горах, то есть предкам её по отцовской и материнской линиям.

В своей профессиональной деятельности она была вся во внимании к больному, отзывчива на каждый вздох боли. И не случайно поэзия Мариам Ибрагимовой сродни лечению праведным врачом, ибо обращена к страдающей душе человека, а не к внешним симптомам болезни.

Получив тепло жизни от народа, вобрав в себя лучшие его качества, она, пропустив свою жизнь через отзывчивое сердце и ясный ум, возвращается творчеством к народу, становится фактом его культурной деятельности.

С этой точки зрения творческое наследие Мариам Ибрагимовой безупречно и нравственно, ибо обеспечено не только обычаями родных стен, но и последующей жизнью с непосильными испытаниями, выдержанными с великим достоинством.

Слово её идёт к народу, путь его тернист и долог, но предначертан свыше.

Тепло душевных сил

Владимир Дегоев, профессор, директор Центра кавказских исследований МГИМО – Университет МИД России

Как много может дать художник историку. Я узнавал о феномене Ибрагимовой всё больше и больше. И всякий раз поражался неиссякаемости её дарований. Когда уже казалось, что мне известно обо всех её подвижнических ипостасях – писатель, врач, учёный, экспериментатор, общественный деятель, – неожиданно попался на глаза томик стихов Мариам.

Открыл наугад. Стихотворение о Сергее Есенине написано как бы в подражание поэту – чувственно, трогательно, раздольно. Что называется, по-есенински.

Подумалось: откуда это изумительное стилистическое чутьё, откуда у дагестанской горянки это тончайшее понимание русской души? Да всё оттуда же – от Бога!

Праведное слово

Александр Мосинцев, член Союза писателей России

Поэзия – своеобразный ключ Мариам Ибрагимовой к пристрастиям, взглядам и поступкам человека, волей судеб оказавшегося на водоразделе взаимоотношений русских и горцев, когда больно за каждую сторону.

И поэтому она пишет:

...Кавказ я люблю как Отчизну,
Россию – как русскую мать.

Родина моя

Не рвусь я в страны сказочных чудес...

Не рвусь я в страны сказочных чудес
По трассам и заезженным дорогам...
Тропой люблю ходить в дремучий лес,
К долинам рек, к хребтам, глядящим строго,
Где всё понятно, просто, без прикрас,
Наполнено величьем первозданным,
Где обретала мир душа не раз
И легче в сердце заживали раны.

Дагестан

Вечер тихо веял ветерком прохладным,
Над ущельем горным сизый полз туман.

На тебя, впервые глянув взором жадным,
Поняла, как дорог ты мне, Дагестан.

Полные величья серенькие сакли
Потонули в дымке тёмно-голубой.

Катятся слезами дождевые капли,
Будто небо в грусти плачет надо мной.

Всё слабее слышен дремлющей стихии
С детских лет знакомый, первобытный гул.

Позади остались, сердцу дорогие,
И отца могила, и родной аул.

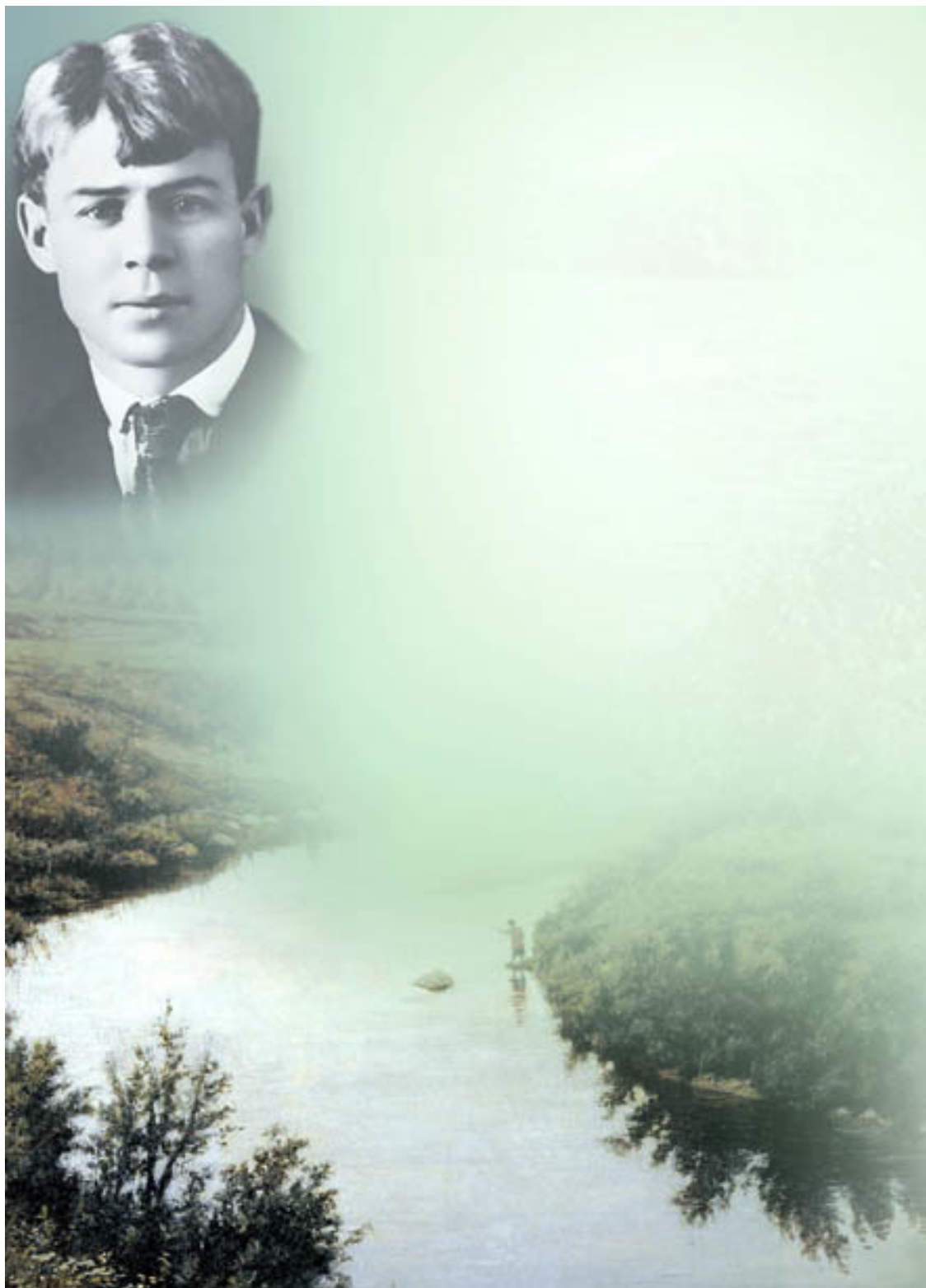
Стелется дороги резаная лента,
Что ведёт в степные дальние края.

Весело иль скучно жить я буду где-то...
По тебе тоскую, Родина моя.

Россия

Сергею Есенину

Валом вздыбленных волн промелькали

Цепи гор пред вагонным окном,
Незнакомые русские дали
Потянулись сплошным полотном.

Голубые, зелёные, синие,
Перелески, озёра, луга,
Серебристым покрытые инеем,
Разодетые пышно в снега.

Здесь теряется ширь необъятная
Сизой дымкой одетых полей.
Здесь рождалась печаль непонятная
В двадцать лет у вихрастых парней,

Что воспел с удивительной силою,
С вдохновеньем взглянув на Оку,
Паренёк из села Константинова
На холмистом крутом берегу.

Край берёз босоногих чудесный.
Гляну в степь – замирает душа,
Будто слышу ямщицкие песни,
Что певали в пути, не спеша.

Будто снова под стоны гитары
Слёзно льётся покорная грусть.
Иль под свист в самогонном угаре
Расходилась кабацкая Русь.

Нет, друзья, это пьяная выюга
Ворвалась, завывая тоской,
К проводам, словно к струнам упругим,
Прикасясь дрожащей рукой.

На лету бело-заячью шапку
Чуть не сбила со старого пня.
Запорошенных листьев охапку,
Как задира, швырнула в меня.

Непутёвая злюка ты, право!
Что насупила грозную бровь?
Иль по-вражьи тебе не по нраву
Беспокойная русская новь?

Лиходейка, что мечешься в злости?
Осадить бы настырность твою.
Ты сама ведь незваная гостья
В этом, мною любимом краю.

Не вопи, мы спешим не на тризну...
Иль, безродной, тебе не понять,
Что Кавказ я люблю как Отчизну,
А Россию – как русскую мать.

Михаилу Лермонтову

Ашуг, не признанный двором,
Отверженный монархом странник,
Когда явился к нам изгнанник,
Его встречал, как отчий дом, Кавказ.

Перед седым хребтом Кавказа
Предстал он с думою печальной,
Не как приبلудный, не случайный,
А найденный достойный сын.

Нет, не страшил его Чиркей
В суровых дебрях Дагестана —
Любил он в непокорном стане
Лихую удаль узденей.

Мог на него поднять булат
Мюрид – защитник имамата...
С отвагой русского солдата
И сам он умереть был рад.

Но разве мог подвергнуть злу
Всё, что, воспев, овеял славой?
За это сам орёл двуглавый
Вонзил в него железный клюв.

Когда мы думаем о нём,
То утешает мысль нередко,
Что не легла та смерть на предков
Братоубийственным пятном.

Его в аулах наших чтут,
Как близкого по духу, нраву,
И сыном гор его по праву
Собратьев истинных зовут.

Кровь земли

Друзья мои, пусть льётся кровь земли
Потоком струй в серебряные чаши.
Чтоб вновь, вскипев в застывших жилах наших,
Огнём священным душу обожгли.

Пусть эта ночь не дарит сладкий стон
В разливах чувств взволнованных, как море.
Утонет пусть годин тяжёлых горе,
Когда бокалы издадут свой звон...

Пусть в каждом сердце пенится вино,
Смывая накипь где-то скрытой грусти...
Пусть в жизни вашей вечно будет густо
И пусть до ста всем жить вам суждено!

Пусть кровь земли, как кровь семьи, роднит
Поборников добра и за порогом.
За дружбу выпьем! Только понемногу,
Чтоб нам разумно радость встреч продлить.

Горы Лакские

Кто сказал вам, что беден мой край,
Будит грусть наготовю бесплодной?
Для меня он – невиданный рай,
Жизнь, оазис в пустыне безводной.

Горы лакские сердцу близки,
В их теснинах не дышится тяжело!
Говорят, здесь живут бедняки...
Но душа у них вся нараспашку.

Не беда, что покрыты хребты
Жидкой проседью старческой плечи...
С буйной юностью с их высоты
Ручейки белогривые плещут.

Бьют ключи среди зелёных ковров:
Тот, кто выпьет живительной влаги,
Сразу станет не только здоров,
Но и полон орлиной отваги!

Мама

Одну тебя боготворить могу
И до небес превозносить упрямо.
Я постоянно у тебя в долгу,
И ты мой долг всё умножаешь, мама.

Сыну

Твой дед ничем не знаменитый горец,
В сраженьях – воин, а в труде – кустарь.
Невинному не причинял он горя,
Был с малым – мал, со старым – стар.

Мой сын, прошу, и ты, живя на свете,
Будь человеком, другом и отцом,
Чтоб за тебя не стыдно было детям,
Чтоб людям смело мог смотреть в лицо.

Наш дом

Под густою липой старый дом наш
Неказистым кажется на вид.
Приютившись над рекою скромно,
Словно гриб, он много лет стоит.

И нет в нём окошка с мезонином,
И нет простора в комнатке моей,
Нет под белым мрамором камина,
И нет согретых паром батарей.

Обдаёт меня теплом зимою,
В уголке заметная едва,
Мазаная печка с духовою,
Где трещат так весело дрова.

Ароматом вишен и сирени
Дышит в мае садик во дворе.
А какие разливные трели
Под окошком слышны на заре!

И ничуть не жаль, что в этом доме
Годы мои лучшие пройдут...
Не всегда я нахожу в хоробах
Радость, вдохновенье и уют.

Есть женщины...

Есть женщины, особенные есть!
Гордиться ими вправе человечество.
Они хранят достоинство и честь,
Как преданные воины – Отечество.

Те, что способны, с лучшими в ряду,
Прославить труд
Неслыханным умением...
Которые нигде не подведут —
Таких в разведку брали без сомнения.

Есть женщины,
Что любят только раз.
Довольствуясь устоями семейными,
Не выставляют людям напоказ
Суму невзгод и чувства сокровенные.

Есть женщины седые с дней войны,
Не согнутые гнётом одиночества.

Они священной памяти верны
И сохранили детям в память
отчество...

Есть женщины!
Когда встречаешь их,
С почтением
невольно клонишь голову!

Град Петра

Как юность, ты красив, далёкий город,
В тумане и в просторах синевы.
У стен твоих течёт с величьем гордым
Кровь голубая царственной Невы.

Ты, как музей, прославленный веками,
Стоишь, одетый в мрамор и гранит,
И думается мне: твой каждый камень
О чём-то память бережно хранит.

С времён петровских воля человека
В тебе ковалась силою ума.
И как тома большой библиотеки
Твои дворцы, соборы и дома.

Когда, рассеяв мрак тревожной ночи,
Взошла твоя желанная заря,
Ты дал Отчизне сотни новых зодчих,
В огне рождённых бурей Октября.

Переживая муки обречённых,

В огне и тьме кромешной грозных дней,
Ты устоял, как крепость, осаждённый
Потомками тевтонских дикарей.

Храня уклад обычаев старинных,
Гостеприимством славится Кавказ,
Но град Петра стократ гостеприимней,
Брал в добровольный плен меня не раз.

Как старожилам, стал и мне ты близким,
Хотя к горам привязана душой.
И мой поклон, почтительный и низкий,
Прими, как дар моей любви большой!

«В горах Андалала...»

В горах Андалала в раздумье глубоком
Поэт Дагестана
бродил одиноко...
И вдруг, обаянная тихим закатом,
У тропки извилистой, на высоте,
Пред ним – вековая могила солдата
И надпись по-русски
на серой плите:

«Не выбил у смерти стальную косу
Наш друг незабвенный. Покой его праху!
Чужбина... Никто не уронит слезу.
Никто у могилы не снимет папаху...»

Поэта слова обожгли, точно пламень,
Сняв шапку, с укором взглянул он на камень
И молвил:
– О люди! О, как вы не правы!
К чему отголосок недоброй молвы?
Дела наших предков суровы и громки,
Но их без вражды вспоминают потомки,
И с русскими рядом в лихие годы
Сражались кумыки, аварцы, лезгины...

За правду, за волю – и в сёдлах, и в танке.
Степные просторы хранят их останки.
На братских могилах недавние даты...
А надписи этой не верьте, солдаты!
Поэт, выражая желанье народа,
Добавил три слова:
«Мир, дружба... Свобода».
Как искра булата, упала скупая
В резьбу того камня слезинка мужская...

Друзьям

Пусть недруги в схватках
Нам ранят сердца,
Друзья, наберёмся терпенья!

Как звонкий булат,
Устояв до конца,
Убьём их холодным презреньем.

Серебряным пеплом
Мятежных страстей
Залечим душевные раны.

Врагов не бывает
У слабых людей,
Покорных бичу и тиранам.

Не будем завидовать
Тем, кто живёт
Без веры, тревог и сомнений.

Безмерно униженным
Кажется тот,
Кто предан при жизни забвенью!

Кавказ

Мирный блеск твоих огней

Кавказ! Твой Новый год весёлым вихрем
Хмельных снежинок постучал в окно...
Что медлишь, старина, не ради них ли
В бокалах звонких пенится вино?

Так раскрывай объятия! Пусть вершины
Коснётся тёплая твоя рука.
Пусть новым счастьем полнятся хурджины
И сердце молодого кунака.

Не как чужой, а самый близкий,
Склонился пред твоим величием он.
Прими и мой, почтительный и низкий,
У пьедестала гор твоих поклон.

Пусть на века с привольной русской далью
Сольётся мирный блеск твоих огней.
Твоя печаль была моей печалью,
И радость – лучшей радостью моей.

Пусть год минувший, оседлав комету,
Под бой курантов у Кремлёвских стен
Вручит России первым эстафету
Твоих побед, как старый рекордсмен.

Верю

Я вновь в ауле маленьком, в глуши.
Ни деревца... Хотя бы хилый кустик!
Здесь всё во власти вековой тиши,
На всём оттенок стародавней грусти.

Меж скал давно знакомая река
Невнятно вторит лягушачьей трели.
Туман белей парного молока,
Плывёт искать приют в глухом ущелье.

Как озеро, затянутое льдом,
Застыло небо, потемнели горы...
Под плоской кровлей – старый отчий дом.
Кизяк блинами на кривом заборе.

Но строй неровный обветшалых стен,
В бесстрашии застывших над обрывом,
Берёт необъяснимой силой в плен
И манит ввысь стремительным порывом.

В убогой сакле не ласкают глаз
Ни мебель, ни фарфор рисунком тонким.
На глиняном полу простой палас,
А вместо белой скатерти – клеёнка.

В прихожей – незатейливый очаг,
Солома в нём горит зарёю алой
И ярко отражается в очах
Присевшей рядом тётушки усталой.

Так сладко лизут языки огня
Со всех сторон казан, покрытый сажей.
И дышат ароматом на меня
Тузлук чесночный, вяленый барашек.

Сижу и я, слегка облокотясь,
Как в давнем детстве, на охапку сена

И думаю: как нерушима власть
Любви к Отчизне в сердце неизменном!

Теряясь в первозданной тишине,
Летят, кружа бесшумным роем, думы,
И снова пробуждаются во мне,
Тоскующей по городскому шуму.

Но тут в глаза ударил яркий свет:
Откинув шаль густых вечерних теней,

Как будто сотни крохотных планет
Посыпались на горное селенье.

И засиял созвездьями аул,
Лучи снопами полегли на горы.
С дороги, будто новой жизни гул,
Донёсся беспокойный шум мотора.

По лабиринту улочек кривых,

По скользкой крутизне тропы петливой,
Спешу к плато, где мощный грузовик
Застыл с отважным видом альпиниста.

Бывало, с удивленьем мал и стар
Глазели на машины здесь когда-то,
И, как от глаз чудовища, от фар
В испуге диком разбегалось стадо.

Теперь, смотрю, задев бочком крыло,
Прошёл ишак, на чудо глянув косо.
И чей-то заблудившийся телок
Обнюхивает задние колёса.

Гурьбой неугомонной детвора
С весёлым смехом повалила в кузов,
Чтоб завтра укатить, как мы вчера,
Моторы оседлав, к столичным вузам.

Но верю я, в какие бы концы
Ни бросило их вечное движенье,
Вернутся, как отходники-отцы,
С богатым грузом знаний и умения.

Они горам покоя не дадут.
В родном краю, живя семьёй единой,
Над снежными вершинами сплетут

Канатных трасс стальную паутину.

На голых склонах разведут сады,
Дворцы построят юные умельцы,
Каскады белопенные воды
Направят к светлым саклям односельцев.

Могучей силой взлётов трудовых
Навек сотрут следы годин ненастных.
В глубинной тьме гранитных кладовых
Найдут руду невиданного счастья.

Песня ашуга

Я слышала как-то, в гостях у подруги,
Старинную песню седого ашуга.
Под нежные звуки ширазского саза
Он пел о сынах удалого Кавказа.

О том, как джигиты больших джамаатов
В бою закалялись под посвист булата.
Как чтили суровые нравы отцов
И горькую правду бросали в лицо.

Чьи клятвы звучали и твёрдо, и свято,

Кто подлость презреньем разил без пощады.
Их гнев благородный от зла был далёк,
Им беглый мятежник довериться мог.

Очей не касалась пустая слеза.
Они не судили врагов за глаза.
Привычным к суровым лишениям и нуждам
Коварство двуликих и лесть были чужды.

Кто знал гордой славы достойную цену,
Питал отвращенье к трусливой измене.
Хвала нашим предкам, чья совесть была,
Как снежная шапка Казбека, бела.

С тех пор, если сердцу в груди станет тесно,
И я напеваю слова этой песни.

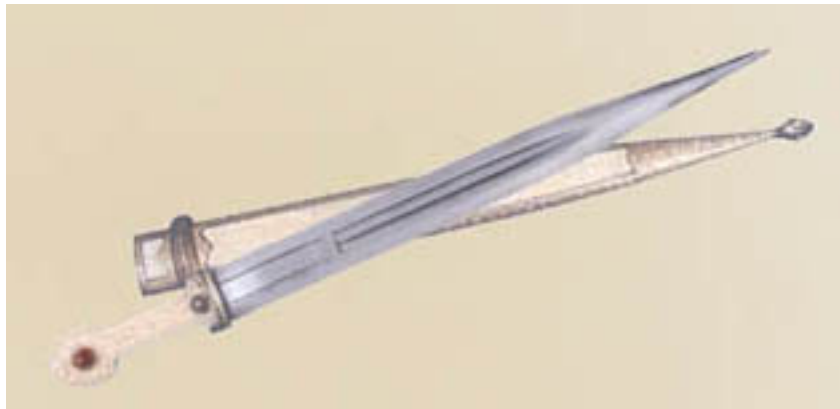
Старинный клинок

В Дамаске ты кован иль в старом Стамбуле
Рукою умельца-слуги,
Рождён ли в горах, в кубачинском ауле,
Иль в старом селе Амузги.

В слоновую кость с золотою насечкой
Одета твоя рукоять,
В сафьяне ножны, серебристых колечек
Блестит воронёная гладь.

Рубин на штифте окровавленным оком
В ажурной оправе горит.
Над лезвием острым о чём-то жестоком
Арабская надпись гласит.

А сколько, скажи-ка мне, с плеч богатырских
Ты снёс соколиных голов?
В каких вилайетах, далёких и близких,
Ты сирот рассеял и вдов?

Когда и в какие дома и лачуги
Ты горе с нуждою принёс?
И где они – матери те и подруги, —
Чьи очи погасли от слёз?

Теперь, навеяв печальные думы,
Повис на стене ты один,
И оком кровавым, темно и угрюмо

Глядит на меня твой рубин.

Но, мне повинуюсь, в наряде роскошном
Навечно ты замер во сне.
Как жаль, что оружие всё невозможно
Заставить ржаветь на стене.

Кисет

Военная буря джигита Али
Швыряла в немирные страны.
Глухая тоска по Отчизне вдали
Томила, как старая рана.

Затих в бурном сердце воинственный шквал...
Грустя по родному аулу,
В убогой лачуге он век доживал
У древних окраин Кабула.

Богатство скитальца – кинжал и кисет.
Кисет расписной из сафьяна
У сердца носил, как святой амулет
Далёких вершин Дагестана.

И в дряхлые годы ни ночью, ни днём
Не смел он расстаться с кисетом.
А люди гадали: что может быть в нём?
Алмаз? Золотые монеты?

Конец неизбежен. Почувяв беду,
Старик, перед вечным покоем,
За странный кисет и в тяжёлом бреду
Хватался дрожащей рукою.

Как только навеки закрыл он глаза,
Отдав свою душу Аллаху,
Служитель мечети кисет развязал
С немym любопытством и страхом.

Склонились безмолвно над тайной Али
Соседи, как хищные птицы.
И что ж они видят?
Щепотку земли,
родимой...
В истлевшей тряпице.

Папаха

В большом сундуке, облицованном жостью,
Забыта владельцем, забыта Аллахом,
Лежит – этот символ и славы, и чести —
Пробитая вражеской пулей папаха.

Папаха – не просто овчинная шкура,
Рукой неумелую сшитая наспех.
В ней блеск золотистый бухарского сура,
Подкладка – искусно простроченный нансук.

Как вольная птица, сидела когда-то
Она горделиво на темени предка.
И совесть под нею, хранимая свято,
Мятежные думы будила нередко.

А если он в вихре весёлого танца
Носился по кругу, задорный и пылкий,
Папаха – старинный убор дагестанца —
Бывала заломлена лихо к затылку.

Когда же любимая, с медным кувшином,
Спускалась в долину со стайкой подружек,

Папаху чуть сдвинув, вослед им спешил он
Поить скакуна к говорливой речушке.

Сражаясь без страха за волю Отчизны,
Упал он с коня и залитую кровью
Папаху, всегдашнюю спутницу жизни,
Последним движеньем надвинул на брови.

То в прошлом... Теперь же старушка седая
В задумчивой сакле, в далёком ауле
Откроет сундук и погладит, вздыхая,
Печальную память, пробитую пулей.

Напутствие

Покойный дед – почтенный Исмаил,
Приличья ради пригубив из рога,
В прощальный час соседу говорил,
От всей души, напутствуя в дорогу:

– Мой сын, судьба превратностей полна.
Им нет конца, не знаем, где начало.
И мирных дней беспечная волна
Забрасывает нас куда попало.

Поверь, на трудном жизненном пути
Мороз и зной тревожат не однажды.
Построй из дружбы крепость, чтоб найти
Опору в чёрный день в ауле каждом...

– Теперь ты, дядя, станешь камнетёс? —
Спросила я, не поняв смысла речи.
А дедушка, в ответ на мой вопрос,

Сказал:

– Дитя! – обняв меня за плечи. —

Как бич Аллаха бродит зло в веках,
Грозь враждою – спутницей тревожной.
И в час недобрый сакля кунака
Для нас бывает крепостью надёжной!

У могилы Хаджи-Мурата

Нет, не предан забвенью твой прах на чужбине,
Где синюют просторы Ширвана, Шеки.
Здесь могилу твою посещает и ныне
Каждый путник, как прежде друзья-кунаки.

Мрачно в старом лесу. Над задумчивой чашей
Ветры Каспия грустные песни поют.
Вековые дубы, словно грозная стража,
Охраняют бессменно последний приют.

Будто веря, что могут мятежные думы
Пробудить неуёмную страсть бунтаря,
Облака над гранитом кружатся угрюмо,
Как жрецы в час молитвы вокруг алтаря.

Гордый сын непокорных узденей Хунзаха,
В схватку яростно кинулся ты не впервой.
Только в этом бою удалую папаху
Потерял навсегда, потерял с головой.

Вдалеке от жилищ, рядом с лесом дремучим,

Не гнетёт ли тоска по Отчизне, земляк?
В снах ли видишь аул на заоблачной круче
И каньон, где рождается с рёвом Сулак?

Может, в полночь слепую, когда над полями,
Словно бой беспощадный, бушует гроза,
Слышишь страстный призыв к газавату имама,
И невольно твой взор застилает слеза.

Пусть потомки Нуцала, гяуры, мюриды
Не тревожат напрасно извечный покой.
Мир останкам твоим! Позабудь все обиды,
Как забыли мы бремя вражды вековой.

Крепость

Таинственная всюду тишина.
Как волчья пасть, разинуты ворота.
И крепость между скал погружена
В глубокую, по-старчески, дремоту.

Обветренный приют залётных птиц,
Обитель давней славы и печали,
Теперь разит холодной тьмой бойниц

И пустотой оскаленных развалин.

Здесь облаков касаешься рукой,
Становишься и ты крылат, бесстрашен,
И гордо смотришь вниз, где над рекой
Застрял аул в заплатах мелких пашен.

Квадраты крыш с развалин крепостных
Мне кажутся лежащей перед взором
Огромной грудой пожелтевших книг,
Хранящих тайны вековых историй.

Берёзка

Не роняла на грудь Гуниб-Дага
Лепестки тегеранская роза.
Приютилась у снежной папахи
Лишь одна северянка – берёза.

В ночь осеннюю с плеч её ситец
Смерч срывал, невзирая на слёзы.
Но Гуниб, старый доблестный витязь,

В шаль пуховую кутал берёзу.

Спутник звёзд – полумесяц небесный
Из-за туч улыбался лениво.
Ей певал разудалые песни
Пьяным голосом ветер блудливый.

Гордый сокол, застыв в синей глади,
Острым оком впивался до дрожи.
Теребили кудрявые пряди
И чабан, и случайный прохожий.

Но со скромностью юной горянки,
Пряча лик за гранитную спину,
Оставалась верна северянка
На века своему исполину.

Знать, не зря поражает пришельца
В сердце гор Гуниб-Дага величье.
Но откуда в берёзовом тельце
Стойкость скал с чистотою девичьей?

Смерть орла

Ласкал меня нежно
Сентябрьский день,
Дыханьем полдневного зноя.
Душой овладела
дремотная лень
В обители сна и покоя.

Лежу на траве и сквозь рой мошкары
Смотрю на уступ невысокий,
И вижу:
 с карниза плешивой горы
Поднялся орёл одинокий.

Средь голого хаоса
вздыбленных скал,
Над мраком теснин одичалых,
Могучие крылья шатром распластав,
Он круг описал величаво.

С минуту над бездной
устало парил,
Почти без движенья,
без крика.
Была ли то проба последняя
сил
Отжившего век свой владыки?

И вдруг
на груди его
оба крыла
Скрестились,
как острые шпаги.
Подумала я:
– Ужель не дошла
Тревога до жертвы-бедняги.

Он падал,
как сброшенный силой валун
С отвесной
заоблачной кручи,
Чтоб снова
к кровавому взвиться столу
С трепещущей в клюве добычей.

Я тоже бездумно
сбежала туда,
В долину, орлу в перегонку,
Где, думалось мне,
поджидала беда
Зайчишку-глупца
иль ягнёнка.

И тут ветер с шумом
дохнул мне в лицо:
Нежданно, почти под ногами,
Пернатый,
как будто пронзённый свинцом,
Всей тяжестью рухнул на камень.

Я вздрогнула.
Мёртвым казался орёл,
Лежащий недвижимо рядом.
Но он, вскинув голову,
небо обвёл
Медлительно-царственным
взглядом.

А я в изумленье
застыла на миг,

Любуясь спокойствием птицы.
Простившись
с привольной стихией,
поник
У ног моих самоубийца.

– Да, так умирают
в горах. —
Сказал мне попутчик случайный.
– Неведом крылатому
неможный страх,
Как робость —
безумцам отчаянным.

Полночь в горах

Луна горделиво в немом океане
Плывёт, как волшебница в звёздном плаще.
На горных вершинах клубятся туманы,
Несмело спускаясь к прохладе лощин.

Громады молчанье хранят вековое,
Угрюмо аул погружён в тишину.
Меня лишь в полуночном царстве покоя
Усталость не клонит к блаженному сну.

Да речка, зажатая в мрачном каньоне,
В неистовстве мечет холодную муть,
И кажется, будто безумные кони
Дробят той теснине гранитную грудь.

Лирика

«Не страдаю бездумно...»

Не страдаю бездумно,
О любви не молю...
Не влюбляюсь безумно,
А разумно люблю.

Нанеси мне обиду
И при жизни уйди —
Не подам тебе виду
О стесненье в груди.

Мне живым тебя легче
Оторвать от души.
Не ищи больше встречи,
Не звони, не пиши.

Расстались мы

Мне было очень тяжело
В тот необычный день.
Болела грудь, и сердце жгло
Огнём твоих измен.

А внешне я была тверда,
Спокойна, холодна,
Как труп, что вынесла вода
Волной с речного дна.

Расстались мы... Но ты не раз,
Как тень, ходил за мной,
Пока не понял, кто из нас
Теперь стал неживой.

«О, Лермонтов, Всерьёз или шутя...»

О, Лермонтов,

Всерьёз или шутя
Писал ты, как знаток,
Не ведая...
Что девушка
В семнадцать лет – дитя.
А в двадцать пять?
Черёмуха отцветшая!

Ужель, поручик,
Не заметил ты
Чутьём повесы,
Мудрым взглядом гения,
Что женщины
Похожи на цветы —
И внешностью,
И сроками цветения.

Не гляди виновато в глаза...

Не гляди виновато в глаза,
Не разжалобишь видом убогим.
Поросла трин-травною стезя,
Что вела к моему порогу.

Ни к чему уговоры, мольба,
Всё уж сказано словом решающим.
Знать, меня наделила судьба
Сердцем добрым, но не прощающим.

Хорошо, что есть на белом свете...

Хорошо, что есть на белом свете
Уголки, похожие на рай...
Может быть, тебя попутный ветер
Каждый раз заносит в этот край?

Я тебя нисколько не ревную
Ни к друзьям, ни к детям, ни к жене.
Если не напишешь – не волнуюсь,
Потому что явишься во сне.

Птичка

О чём ты поёшь, быстроскрылая птичка,
На зорьке румяной, в кустах под окном?
Тоску ли ночную спешишь по привычке
Излить в пенопенье пред ясным лучом?

О, как сладкозвучны крылатые тайны...
А я почему-то, взглянув на росу,
Подумала с грустью: не ты ли случайно,
Ликуя лишь внешне, роняешь слезу?

Тебе ведь неведома зависть людская,
Ни тайные козни, ни явное зло...
И если живёшь ты, измены не зная,
Наверное, в жизни тебе повезло.

«Страхнув на тяжёлую грань хрусталя...»

Страхнув на тяжёлую
грань хрусталя
Серебряный пепел кальяна,
Поплыл ты, как чёлн,
без ветрил, без руля,
Влекомый безумием
пьяным.

Попутного ветра,

безвольный дружок!
Дыханье свободы полезно...
Дай Бог тебе силы,
чтоб сделать прыжок
В негаданный час
через бездну...

Погадай

На причале,
у старой стоянки,
Ждёт подруга,
да нет корабля.
Погадай ей на картах,
цыганка,
На военного кинь короля.

Пусть не верит студентка
гаданьям,
На душе станет сразу легко,
Если только предскажешь
свиданье
И любовь с молодым моряком.

Чтоб сомненья,
печаль и тревоги
Угасали, как вспышки огней,
Говори, что он
в поздней дороге
И, как прежде, тоскует о ней.
В сердце девичьем
вьюжно и хмуро,

Ночь без сна провела не одну:
Если парня военная буря
Унесла к океанскому дну?

Боль пиковую мрачные слёзы
Отшвырни ты,
 как признаки лжи.
Радость светлую
 русской берёзы
Рядом с картой её положи.
Знай, случайный
 удар силой грома
Все надежды развеет на нет!
На запрос из казённого дома
Пусть надежду
 получит в ответ.

Где-то бой, а в тылу, у причала,
Тоже кружится призрак беды.
Погадай, погадай,
 но сначала
Получи у меня за труды.

Свет костра

В нелюдимои степи
В неприступных горах,
Друг мой, ночью не спи,
Свет манящий костра
Поддержи до утра.

Словно дружбы рука,
Что ведёт нас к мечте,
Словно свет маяка,
Путь укажет он тем,
Кто бредёт в темноте.

Кто-то полон тревог,
Может, сбился с пути.
Духом пал, изнемог
С тёплым чувством в груди,
Ты ему посвети!

Тем старайся помочь,
Чья мрачна колея,
Кто в ненастную ночь
Далеко от жилья.
Одинок, как и я.

Сквозь туманы и тьму
Пусть пылает огонь,
Устремятся к нему
Пеший, путник и конь,
Будто к свету окон.

Пусть костёр, как надежд
Негасимых звезда,
Светит в бурю и в дождь,
До рассвета всегда,
Там, где бродит беда.

Годы, годы стаям журавлей...

Годы, годы стаяй журавлей
Летят, скрывая грусть в закате алом...
Надежды луч в тоске осенних дней —
Ужель и ты не тот,
 о ком мечтала?

Померкнешь тоже, душу не согрев,
В рутине будней отраженьем льдины...
И оборвётся двух сердец напев,
Не взволновав созвучием единым.

В степи

Немая степь молчание хранит.
Устало дремлет пыльная дорога,
Потоком ливней смыв следы войны.
Здесь улеглась смертельная тревога.

Полынь-трава, серебряный ковыль —
Покров печальный чьей-то горькой доли...
Давно забвенью преданная быль,
Зачем пронзаешь острой болью?

«От сердца твоего стезя куда-то увела...»

От сердца
твоего стезя
Куда-то увела.
А в молодых твоих глазах —
Космическая мгла.

С вопросом
«Любишь или нет?»
Гляжу на них во сне,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.